

Акимов Алексей Алексеевич (1920 - 1994)

Мой папа, Алексей Алексеевич Акимов (далее в тексте – А.А.), родился 5 февраля 1920 года в г. Хвалынский на Волге (Саратовская область). Мне хочется рассказать о его семье, думается, что это небезынтересно.

Его собственный отец, Алексей Василискович Акимов, родом с Волги, хоть мне и неизвестен его родной город. Знаю, что обнаружившийся у него красивый и мощный голос привёл его каким-то образом в обучение к самому Усатову, бывшему тогда знаменитым наставником всех выдающихся волжских басов, у которого учился в своё время и сам Фёдор Иванович Шаляпин. В конце концов Алексею Василисковичу довелось петь даже на сцене Его императорского величества Мариинского театра. По семейному преданию, дошедшему до меня уже из третьих рук, он в силу каких-то причин рано потерял голос, точнее сказать, не потерял, но сила голоса несколько ослабела, и, будучи сам себе, как настоящий профессионал, самым строгим судьёй, он счёл недостойным петь и дальше с таким голосом. Поэтому он ушёл из артистов, но, не желая окончательно расставаться с театром, сделался театральным антрепренёром. Женится он поздно, по-видимому, уже оставив пение. Ветхая метрика о рождении А.А. сохранила данные о его родителях: отец – 1874 года рождения, мать – 1895. Анна Сергеевна, ставшая женой Алексея Василисковича, происходила из старинного мещанского рода, тоже с Волги, и имела родственные связи с семьёй Чернышевских. Её отец или дед (не помню!) был двоюродным братом отца Николая Гавриловича Чернышевского, знаменитого разночинца-революционера и автора эпохального романа «Что делать?». У Анны Сергеевны было три сестры – Ольга, Полина и Ирина. Как и полагалось в те времена, Анна Сергеевна не имела специального образования, но умела делать всё то, что было необходимо жене, матери и хозяйке дома. Мне неизвестно, когда и где состоялось знакомство и женитьба Алексея и Анны. К тому времени, когда я узнала об их существовании, они уже давным-давно жили в Ленинграде. Я не знаю также, как оказались сёстры Анны Сергеевны в Ленинграде – то ли в результате каких-либо изменений в их собственной семье, то ли благодаря замужеству сестры, которая, разумеется, стала жить по месту жительства мужа. У супругов Акимовых родилось трое детей – старшая Анна, затем Алексей и еще через семь лет младший сын Сергей. Папа родился не в Петрограде, как этому следовало бы быть, т.к. Алексей Василискович (Дед, как его все называли) отправился в Хвалынский по делам антрепризы в сопровождении жены, и пока он занимался этими делами, Анне Сергеевне пришлось родить.

Главой семьи был, разумеется, Дед. Квартира, где жила семья, находилась на 9-ой Советской (б. Рождественской), т.е. в центре современного города, но в те времена там селились преимущественно рабочие, например, в соседнем доме располагалась квартира Аллилуевых, куда приходил Сталин и которая в советское время стала музеем. Папа предполагал, что Дед, скопив денег, купил этот дом, став домовладельцем и планируя жить в дальнейшем на квартирную плату, собираемую с жильцов, но именно в это время начались революции – сначала Февральская, потом Октябрьская, и Дед потерял своё имущество, оставшись каким-то чудом в маленькой двухкомнатной квартирке на последнем, шестом этаже. Всю блокаду он провёл в этой же квартире, сидя в кресле и распухнув от водянки. Но после войны, обрядившись в белый чесучовый костюм, расчесав на две половины свою окладистую серебристую бороду, в шляпе или фуражке на седых, длинных до плеч волосах, со старинной тростью в руке, любил выходить по утрам на Невский проспект и прогуливаться там, оглядывая с ног до головы всех молодых женщин, а если какая-то из них привлекала его внимание, он, проходя мимо, рявкал своим басом какую-либо оперную фразу и наслаждался произведённым эффектом, когда женщина вздрагивала и ускоряла шаги. Дед умер в середине 1970-х годов от воспаления лёгких в возрасте за девяносто.

Несмотря на малые размеры квартиры, в ней собиралось много людей: и родственники, и друзья, и знакомые родственников. Вся семья была одарена музыкально, в одной из комнат стояла фисгармония, и собравшиеся, как правило, музицировали, пели русские классические и городские романсы, иногда Дед вспоминал старину и исполнял что-нибудь из своего бывшего репертуара. По-видимому, по наследству, А.А. тоже достался хороший голос, сильный лирический баритон, и все прочили ему певческую карьеру и оперную сцену.

Будучи школьником, А.А. не отличался большим усердием, частенько прогуливал школу, но очень важным фактом в его личностном становлении стала любовь к книге. В домах по их улице были большие и глубокие подвалы, куда из библиотек привозили и сбрасывали книги, попавшие в «чёрные списки». Это были сочинения «вредных», «буржуазных» авторов, различные исторические романы, многие сочинения русских классиков, таким образом, в одной «нелегальной» компании находились и Чарская, и Дюма, и Диккенс, и Вальтер Скотт, и Брет Гарт, и Лажечников, и Бунин, и, конечно же, труды наших знаменитых историков – Костомарова, Ключевского, Данилевского, Забелина, много религиозной литературы с прекрасными иллюстрациями и т.д. Вместе с друзьями-пацанами из своего двора Лёша забирался в эти подвалы, и там они читали эти волнующие книги, а потом играли во дворе в мушкетёров и русичей-дружинников. А.А.

великолепно знал историю, особенно русскую, и историю русских князей и царей, был неплохо знаком с немарксистской философией и всегда поражал всех наших друзей, среди которых были и профессиональные историки, этим знанием, легко упоминая в беседе те или иные факты, которые, как выяснялось, были даже им неизвестны. Всем этим он был обязан тем своим «подвалам» из детства и ранней юности.

Как я уже упоминала, в школе он не блистал. Передо мной лежит документ: Свидетельство об окончании полной средней школы, подтверждающее, что А.А. поступил туда в 1928 и окончил её в 1934 г., имея «очень хорошо» по истории, «хорошо» по географии, математике, физике, черчению, рисованию и «удовлетворительно» по русскому и иностранному языку, литературе, биологии, химии и...МУЗО, т.е. музыкальному образованию. Неважные оценки по литературе и МУЗО, учитывая его начитанность и музыкальные способности, поначалу вызывают недоумение, но объясняются скорее всего царившим в школе формальным подходом, которого строптивый подросток не выносил. Недаром у него и за дисциплину только «удовлетворительно». Таким образом, имея не блестящие показатели, ему после школы пришлось хорошенько думать о дальнейшем образовании. Поскольку он хорошо рисовал, а семья жила небогато и нуждалась в деньгах, он пошёл в Художественно-промышленное училище, по окончании которого начал работать на Ленинградской фабрике медицинских учебных наглядных пособий.

В 1938 году он был призван в ряды Красной армии и попал на Балтийский флот матросом. Тут его и застала Советско-Финляндская («Зимняя») война 1939-1940 г.г. Сохранился документ, текст которого привожу полностью: «Справка: Дана красноармейцу-добровольцу Акимову А.А. в том, что он действительно находился с 15 января до 25 марта 1940 г. добровольцем в рядах Действующей Красной Армии и участвовал в боях с белофиннами, что подписью и приложением печати удостоверяется». Поскольку А.А. прекрасно ходил на лыжах, его направили в лыжный разведывательный батальон, и, несмотря на краткость своего участия в войне (официально она закончилась 12 марта

1940 г.), ему пришлось увидеть и пережить много тягот, связанных со спецификой этой войны, о которой мы начинаем узнавать отрывочную правду лишь в наши дни. В самые последние дни войны он был ранен и тяжело контужен, несколько месяцев провёл в госпиталях.

Подлечившись, А.А. должен был вернуться в армию, т.к. срок его службы еще не истёк, в его «Служебной книжке краснофлотца» указано: направлен на службу Смольнинским РВК 9.09.1940. Дальше всё понятно: в Европе назревала война, неизбежно грозившая и нам. И кто же мог предполагать, что меньше, чем через год после этого, уже в сентябре 1941 г.,

на Ленинград будут падать фашистские бомбы, будут гореть Бадаевские продовольственные склады, что обрекло сотни тысяч жителей на голодную смерть, что Ленинграду придётся выстрадать свою героическую Голгофу – 900-дневную блокаду, что весь Балтфлот будет собственноручно потоплен в Финском заливе, чтобы создать защиту для города от возможной высадки фашистов, и что всем матросам придётся превратиться в морскую пехоту, которая – в своих бескозырках, бушлатах и флотских ботинках при неслыханных морозах 1941 года – одним своим именем будет наводить ужас на фашистов, отважно сражаясь на подступах к любимому городу.

Будучи многократно ранен, А.А. всё же остался в живых, и это везение он приписывал исключительно тому, что всё время находился в разведотрядах, т.е. всё время двигался: то нужно было доставить данные о дислокации и количественном и качественном оснащении противника, то взять «языка». Иногда разведчики шли буквально по пятам фашистов, которые на ходу бросали в окопах приготовленную, но ещё не съеденную пищу, шоколад, кофе и т.д. Эти небольшие «трофеи», но, главное, движение служили основой для сохранения сил и мобильности, потому что огромное количество бойцов, сотоварищей А.А., погибало в окопах из-за морозов; водянки, вызванной длительной неподвижностью; и довольно частой недобросовестности военных интендантов. А.А. воевал храбро, об этом свидетельствуют и его награды: медаль «За оборону Ленинграда» (1942 г.), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1946 г.) и особо ценившийся всеми фронтовиками орден «Красной Звезды», нашедший своего владельца уже после окончания войны, лишь в 1946 г. По справке военкомата (данные неполные, т.к. многие архивы погибли в результате военных действий, в чём я сама убедилась, когда в 70-е годы, по просьбе А.А., пыталась получить в Военном архиве Ленинграда кое-какие подтверждения об участии А.А. в тех или иных фронтовых операциях), он провёл в общей сложности на Великой Отечественной войне 3 года, 10 месяцев и 17 дней и получил разрешение на демобилизацию в августе 1946 года.

Спустя много лет, когда и его самого уже не было в живых, а наша страна праздновала 50-летие Победы, мама, хозяйничая на кухне и прислушиваясь к радио, которое у неё, по привычке большинства советских людей, никогда не выключалось, услышала вдруг выступление какой-то женщины, и оно настолько поразило её, что она, схватив попавшуюся под руку бумажку, почти дословно его записала. Текст этой записки с небольшими купюрами я привожу здесь: «Мы, все девочки, учились на радиста, а потом нас послали в Кронштадт. И моряков всех сделали морскими пехотинцами, и нас тоже. Маленькая я ещё, девчонка. На спине – 12-килограммовая рация, противогаз, вещмешок, винтовка. Еле передвигаешь ноги. Парни почти не помогали, у самих ещё больше тяжести.

Только один. Сам длинный, худой, ленинградец. Звали Лёша. Фамилию забыла. Спрашиваю – зачем пошёл добровольцем? – Город свой прекрасный защищать надо. Кормили плохо, все голодные, началась цинга, у Лёши тоже началась сильная. В разведку идём – кусок хлеба и пайку спирта. Однажды Лёшу и еще двоих отправили в разведку. Немец бедовал нещадно, укрыться совсем негде. Пошли голодные, злые. А один из СМЕРШ'а сказал, чтоб без трофеев не возвращались, иначе будет считаться, что где-то спрятались и просидели. Тогда сразу под трибунал. <...> Спасибо Лёше, он так всем помогал, а на привале много рассказывал. Он был начитан, такой интеллигентный. Потом его сильно контузило, думали, не встанет. Сестричка волоком приволокла в госпитальную палатку. Доктор сказал, если к утру не оклемается, будет идиотом. Жалко его всем было. Утром он открыл глаза, встал, ноги не слушаются, качается, говорит, что ничего не видит, всё не в фокусе, и всё равно ему приказали встать на лыжи – и в поход. Больше я с ним не встречалась. Ходила в разведку с другими, но таких добрых и внимательных не было. Слышала, что его ещё где-то ранило. После войны хотела его разыскать, да постеснялась. Передайте для него песню «На рейде большом». Потом, в Ленинграде, я вышла замуж, стала строителем, а вот Лёшу помню за его доброту и порядочность. Сам ещё мальчик, а умел разобраться справедливо во всех спорах...». Эту запись мы с мамой с волнением прочитали несколько раз, ни на минуту не усомнившись, что это наш А.А., потом много говорили об этом. Жалко, что не догадались тогда разыскать эту женщину.

Упомянутая здесь контузия имела далеко идущие последствия: он потерял свой певческий голос и чувство координации, в результате чего до конца жизни не мог больше стоять на лыжах, да и просто на улице чувствовал себя не очень уверенно, т.к., теряя равновесие, мог упасть, а впоследствии на основе контузии развился черепно-мозговой арахноидит, от которого он очень страдал. Мама всегда боялась отпускать его одного и, если только могла (в зависимости от своего расписания на работе), сопровождала его, когда он шёл куда-либо по делам. Или звонила в соответствующее учреждение и спрашивала, пришёл ли Акимов или, наоборот, вышел ли из здания, чтоб быть уверенной, что с ним всё благополучно (жаль, что в те времена ещё не было мобильных, они бы значительно облегчили ситуацию).

Папа не любил разговоров о войне. Всё то небольшое, что мне известно, было почерпнуто мной из наших бесед вдвоём, когда, возвратившись из гостей или проводив их от нас, папа предлагал выпить «ещё по рюмочке», и мы устраивались на кухне, а мама заглядывала к нам периодически, опасаясь, как бы я «не стала алкоголиком». Все те сведения, которые постепенно скапливались в моей голове, были отнюдь не торжественно-бравурного характера и свидетельствовали лишь о слишком большом головотяпстве, не порядочности,

коррупции, жестокости и т.д., царивших на фронте. И тогда мне уже становилось ясно, что ценой за нашу победу была великая кровь, пролитая народом, о ценности и сохранности которого мало кто думал. Всё это отзывается теперь колоссальными демографическими проблемами.

Как бы то ни было, но и на фронте у людей была своя личная жизнь. Еще в финскую войну А.А. столкнулся с тем фактом, что девушкам, находившимся на передовой, приходилось далеко не сладко. Зачастую им совсем не выказывали того уважения и душевной деликатности, какие изображаются в фильмах о войне. Поэтому было хорошо, если кто-нибудь из мужчин отряда брал девушку под своё покровительство. Так и случилось, что Вера Анатольевна, служившая связисткой в береговой батарее Гогландского сектора, познакомилась с А.А., служившим там же с конца 1943 по август 1946 г.г., и в конце 1945 г. молодые люди зарегистрировали свой брак, от которого в 1946 г. родилась дочь Нина. (Нина выросла в интересную женщину, очень похожую на своего отца, окончила впоследствии Ленинградский кораблестроительный институт, стала инженером, вышла замуж, имеет двух взрослых дочерей и несколько внуков, по-прежнему живёт в Петербурге).

К сожалению, в скором времени стало ясно, что брак получился неудачным: слишком разными были интересы, мировоззрение и отношение к жизни молодых супругов. В конце концов, А.А. ушёл из семьи, а, следовательно, и из родительского дома, где в одной из двух комнат остались жена и дочь. Вера Анатольевна много работала, и девочкой занималась в основном бабушка Анна Сергеевна. Тем не менее речи о разводе не заходило, и на это было несколько причин. Самая главная – позиция папиной матери. Анна Сергеевна была человеком в высшей степени набожным, свято соблюдала все обряды и церковные обычаи, у семьи существовала многолетняя дружба с клиром Троицкого собора Александро- Невской лавры, где в своё время был крещён младенцем и сам А.А., и она была твёрдо убеждена в том, что уж если брак освящён рождением ребёнка, то и должен существовать, несмотря ни на что. Другая причина – членство А.А. в ВКП(б). В партию он был принят на фронте, перед каким-то очередным наступлением, где нужно было идти в атаку. И по тогдашней традиции, вперёд посылали комсомольцев и коммунистов, а тех, кто вызывался добровольцем, прямо в походных условиях принимали в партию, чтоб если и погибнет, то коммунистом. Он был добровольцем, так и попал в ВКП(б). А для коммуниста процедура развода вплоть до середины 60-х годов была просто невыносимой. Прежде всего, было необходимо иметь согласие обеих сторон (о чём Вера Анатольевна категорически и слышать не хотела) и, кроме того, каждый случай создавал «персональное дело» и подлежал разбору на партсобрании, что было и малоприятно, и унижительно. Ну,

и, наконец, у А.А. не было необходимости в разводе, т.к. он не имел намерения жениться вновь. И тут судьба преподносит ему неожиданный сюрприз. Обращаюсь к запискам моей мамы, где подробно изложен этот эпизод: в конце 50-х годов самый главный угольный босс Кузбасса, генерал Богородицкий, приезжает в Москву и видит отделанный после войны ГУМ, приведший его в восхищение. Он стал узнавать фамилию художника, но оказалось, что это не просто. Наконец, он выяснил, что художник живёт в Ленинграде. Он летит туда, узнаёт фамилию, разыскивает А.А. и уговаривает его лететь в Кузбасс, где идёт огромная стройка, масса магазинов, разных объектов, домов культуры. В общем, масса оформительской работы. Сначала А.А. отказался, сославшись на неурядицы дома, однако его друзья-художники, желавшие поработать вместе с ним и решить таким образом свои материальные проблемы, в конце концов уговорили его, и А.А. отправил телеграмму с согласием, а Богородицкий прислал за ними самолёт. Так А.А. попал в Кузбасс. И случилось так, что в результате невероятного стечения обстоятельств, самым романтическим образом, описание которого могло бы стать завораживающим сюжетом для повести или кинофильма, он знакомится с моей мамой, Татьяной Николаевной Двинской. К тому времени мама была вдовой (мой родной отец умер в марте 1949 г.), работала в Кемеровской филармонии и тоже не помышляла о новом браке, хотя у неё было «море поклонников».

А.А. и мама встретились на концерте замечательной певицы Виктории Ивановой, спутники обоих оказались знакомы между собой и познакомили и их, А.А. пошёл проводить маму, был приглашён моей бабушкой на чай, просидел в компании мамы и бабушки всю ночь и остался ... на 40 лет, до конца своей жизни. Их встреча произошла 30 июня 1954 года, а затем, после разных событий, родители (я сразу же стала называть А.А. папой, и у нас сложились замечательные отношения на всю жизнь) уехали в Ленинград, намереваясь там устроиться. Однако маме претила мысль строить новую жизнь без благословения его родителей. И тут началось: Вера не желала давать развод, а мать А.А. не желала ничего слышать о «какой-то женщине». Выход нашёлся благодаря семье Софьи Преображенской, нашей известной певицы, очень любимой в Ленинграде. Её зять, друг А.А., внёс предложение ... венчаться. Задача оказалась не из лёгких, поскольку всё происходило в 1955 г., к тому же жених был членом партии. Но в конце концов всё устроилось, опять же, как в романе. Венчание состоялось в г. Луге, в тамошней единственной тогда действующей церкви (очень красивой: я «навестила» её в 2005 г.), тайно, поздним вечером, и когда в ближайший день А.А. привёл маму познакомиться со своими родителями, и его мать увидела у них на руках обручальные кольца (а в те времена их ещё никто не носил, это считалось «буржуазным предрассудком»), ей всё стало ясно, и

дальше противиться она уже не могла, т.к. единственно подлинным является брак церковный, пред которым меркнет всё остальное. В дальнейшем и с родителями А.А., и со всеми его родственниками у мамы складывались самые тёплые и искренние отношения, и всё было в полном порядке. Гражданскую регистрацию своего брака они совершили уже в середине 70-х годов, когда я начала выезжать за границу и мне потребовалось заполнять многочисленные анкеты со сведениями о родственниках, и тут родители испугались, как бы не навредить моей «карьере». На эту регистрацию в обычном ЗАГС'е примчались все наши многочисленные друзья и близкие знакомые и долго ещё потом, шутя, прохаживались на эту тему, говоря, что, мол, как Акимчики нас провели: мы принимали их за порядочных людей, а они-то, оказывается, просто-напросто «сожители».

Долго оставаться в Ленинграде родители не имели права, т.к. у мамы не было прописки, и это грозило ей высылкой за 101-й км; кроме того, ленинградский климат оказался для её здоровья совершенно непереносимым, и оба молодожёна, по совету одного из ближайших папиных друзей, осенью 1956 г. поехали в Карелию, собираясь обосноваться в заонежском селе Типиницы, которое, по словам друга, блистало необыкновенной красотой. Путь лежал через Петрозаводск и, прибыв сюда, родители увидели, что для дальнейшего путешествия, а тем более и некоторого обзаведения вещами, денег весьма маловато. Они решили немного задержаться в Петрозаводске и, сняв какое-нибудь жильё, кое-что подзаработать, справедливо полагая, что в городе это сделать легче. А.А. пошёл в Дом народного творчества с вопросом, нет ли у них какой-нибудь небольшой работы на короткий срок (там до недавнего времени все ещё помнили об этом визите). Дальнейшее известно: с мая 1958 г. А.А. был принят в штат Художественно- производственных мастерских Карельского отделения Худфонда РСФСР и уволен в связи с выходом на пенсию в 1980 г.

За время своей жизни в Петрозаводске А.А. приобрёл известность и всеобщее уважение. Он занимался самой разнообразной графически-оформительской работой: невероятное количество разного рода пригласительных билетов, афиши, разного назначения грамоты, дипломы и пр., оформительские макеты нескольких книг (одна из них – «Карелия – Нойбранденбург» получила лауреатский диплом в республиканском конкурсе на лучшее издание в 1977 г.), неоднократное оформление краеведческих музеев в Петрозаводске, Олонце, на о. Кижы, огромное количество костюмов, которые были необходимы и для «Кантеле», и для Поморского хора, и для известных коллективов художественной самодеятельности, оформление нескольких спектаклей в Финском и Музыкально-драматическом театрах (сценография и костюмы) и даже одно время наших местных «окон РОСТА» на пр. Карла Маркса, художественно-визуальная сторона частых в

60-70-е годы массовых зрелищных праздничных композиций на нашем старом городском стадионе на пр. К.Маркса. Сожалею, что исполнение задуманного папой не всегда принимало ту форму, которая требовалась. Так было, например, с книгами и «Карелия – Нойбранденбург», и «Карельское народное искусство», где по каким-то техническим причинам менялось качество бумаги, интенсивность цветной печати и т.д. Частенько это происходило с костюмами: то не было необходимых материалов, то почему-либо уже в процессе производства меняли узор вышивок и пр. Конечно, он нервничал, переживал. Мне жаль, что, например, пропали его росписи в старом краеведческом музее (здание собора Александра Невского) при передаче здания церкви, хотя сам по себе этот факт, конечно, отраден. Пропали и его витражи в гастрономе на К. Маркса и в киоске «Мороженое» напротив Северной гостиницы, хотя, разумеется, все эти перемены были необходимы и совершались к лучшему. Мы с моими сверстниками помним один из новогодних праздников во Дворце пионеров (здание нынешнего Дворца бракосочетаний), где А.А. украсил зал и все фойе разнообразными фигурками на темы из произведений русской классики, и они двигались, это производило тогда потрясающее впечатление. А.А. никогда не считал свои работы чем-то выдающимся, никогда ничего не хранил, мысль о фотографировании тогда вообще никому не приходила в голову, иногда что-то ухватывала мама и прятала в шкаф, вот эти крохотные остатки я и представляю издателям этой книги.

А.А. многократно избирался в Петрозаводский горсовет депутатов трудящихся, где очень много работал по оформлению города в целом. Пока он этим занимался, у нас в городе отсутствовали дурацкие лозунги типа «Партия – наш рулевой», «Миру мир», «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи» и пр., на что всегда обращали внимание приезжие туристы и - главное – члены разнообразных московских комиссий. Затем его назначили главным художником города. Вся эта работа производилась бесплатно, на общественных началах, во что сегодня, наверное, уже трудно поверить. У меня хранится информационный лист, присланный из Москвы, с указанием городов, где были главные художники, и перечнем их имён и адресов. Всего в списке 26 именованных, за номером 23 – Петрозаводск, Акимов А.А. Он вообще довольно много работал бесплатно – то как депутат, то просто как доброты. Например, к какой-то очередной дате управление МВД делало памятную доску с именами своих павших в войне сотрудников, что тогда только-только входило в моду, но были какие-то затруднения с деньгами, и они просили подождать. А.А. сказал: неужели я, сам фронтовик, буду считаться с погибшими, и сделал всё бесплатно. Иногда организации по каким-то причинам не платили или сразу, или вообще, и он никогда не занимался «выбиванием» этих денег. Близкие люди знали, что он горд, как грузинский князь, а

деньги – это не та вещь, на которую стоит размениваться. У него были принципы, не сразу бросавшиеся в глаза и не провозглашаемые им, но непоколебимые. Например, он никогда и ничего ни у кого не просил, рассчитывая только на самого себя. Распространённый в советское время принцип «ты мне, я тебе» был ему абсолютно чужд. Это касалось как чего-то крупного, например, получения квартиры, телефона и т.п., так и мелочей, о которых частенько просила мама, таких как продукты, какие-нибудь престижные билеты и пр. Он мягко, но категорически или шутливо прекращал все подобные разговоры и, несмотря на огромную любовь к маме, никогда ей ни в чём подобном не потакал. Ему, впрочем, как и маме, было совершенно чуждо честолюбие. Его положение и связи могли бы обеспечить ему и многие звания, и почести, и материальные поблажки, но он о них никогда не говорил и не думал об этом. Всё, что у нас было, было заслужено им и мамой, причём это происходило тогда, когда работающие с ним люди в один прекрасный момент вдруг спохватывались и удивлялись: как, у вас нет квартиры? Как, у вас нет телефона? И начинали действовать сами по себе, хотя он никаких просьб не высказывал. Так, мы получили квартиру в 1960 г. благодаря ветерану войн и труда П.А. Васильеву, много работавшему с А.А. и имевшему тогда большой вес в Верховном Совете КАССР. Телефон был установлен по распоряжению самого И.И. Сенькина, тогдашнего первого секретаря Обкома КПСС, который высоко ценил качество работы А.А., часто к нему обращался и которому надоело посылать к нему курьеров. Таких примеров и случаев я могла бы перечислить много.

И А.А., и мама совпали в том, что оба были бессеребренниками, что теперь редко. К деньгам, зарабатываемым постоянным и нелёгким трудом, относились как к вещи необходимой, но абсолютно второстепенной. Всегда были готовы всем помочь и помогали, ничего не ожидая взамен. Нередки были периоды в нашей жизни, когда у папы не было работы и, следовательно, гонораров, жили на небольшую мамину зарплату, сидели на картошке, хлебе и селёдке или квашеной капусте, но они оба были счастливы так, как это редко встречается в современных семьях. Их окружали замечательные люди – наши друзья, и все вместе они образовывали тесный, по-настоящему родственный круг, где все высоко ценили друг друга и знали без слов, что в случае надобности друзья придут на помощь.

Помимо Почётных грамот разных уровней, дипломов, благодарственных писем и т.д., А.А. был удостоен звания заслуженного работника культуры КАССР в 1967 г., бронзовой медали от Главного комитета ВДНХ, лауреатских дипломов Всероссийского смотра художественной самодеятельности (за сценические костюмы), лауреатского диплома II-го Всероссийского смотра ансамблей песни и танца (под председательством И.А.Моисеева)

за костюмы для «Кантеле» в 1986 г., Почётного серебряного знака за развитие культурных связей от центрального правления Общества Германо-Советской дружбы (Берлин).

Много лет А.А. был секретарём партийной организации Союза художников, потому что его выбирали и выбирали, хотя он с удовольствием бы сложил с себя эти обязанности. Знаю, что в этой непростой организации, где всегда была ощутима борьба амбиций, его авторитет был непоколебим, поскольку все знали его как справедливого и уравновешенного человека, стоящего вне всяких группировок.

Он был очень красив – и внешне, и внутренне. Вместе с мамой они были очень заметной парой, их знали в городе. Вплоть до недавнего времени ко мне на улице иногда подходили незнакомые люди с вопросом о родителях и, получив печальный ответ, высказывали сожаление, потому что больше, мол, такой пары не встретишь. Но дело, разумеется, не только во внешности. А.А. был одним из немногих в советское время носителем лучших человеческих качеств дореволюционной русской интеллигенции. И это ощущали буквально все люди, вступавшие с ним в короткие или длительные рабочие контакты, а уж тем более знакомые и друзья. Друзья нашего дома единодушно и с удовольствием прозвали его «эталоном» и, оценивая те или иные жизненные ситуации, старались смотреть на них его взглядом. Он никогда ни на кого не «давил», не поучал, ничего не декларировал, всё получалось как будто само собой. Но так приятно было удостоиться его похвалы, одобрительной улыбки или слов благодарности. Наверное, это объяснялось тем, что он никогда не считал себя лучше других, не «выпячивался», не кичился, не смотрел на людей свысока, а всегда был прост и ровен со всеми одинаково, несмотря на различия в социальном положении. Это присуще людям с достоинством: они уважают себя и потому умеют уважать и окружающих. Ему в высшей степени была присуща самоирония и вообще довольно ироничный взгляд на мир.

Он был очень добр и неприхотлив. Правда, было одно табу в еде – пшённая каша, которой он наелся до оскомины на военной службе и на войне. Он никогда не жалел никаких вещей и мог подарить всё что угодно друзьям и знакомым, если видел, что это им надо. Любил людей, любил, когда приходили друзья, любил посидеть с ними за рюмкой крепких напитков (у нас всегда стояла «батарея» домашних настоек на спирту или водке, которую постоянно пополняли), любил длительные беседы с ними на самые разные темы. До конца жизни обожал книги и читал постоянно и много. Любил хорошую музыку и часто по вечерам просил маму поиграть (мама была пианисткой) и даже иногда пытался – по старой памяти – попеть кое-что из романсов. Вообще, у него всегда были самые разнообразные и широкие склонности и интересы: помимо книг, встреч с людьми, музыки, он любил природу, получал удовольствие от походов в лес за грибами, от редко

случавшейся рыбалки, любил путешествия, хотя они тоже были редкими в жизни родителей, много лет мечтал быть где-нибудь смотрителем маяка. Одно время сильно увлекался фотографией, любил работать руками и что-нибудь мастерить. Это качество особенно радовало маму, тем более в советское время, когда всё домашнее обустройство было связано с большими проблемами. Он любил животных и детей, и те отвечали ему большой взаимностью, всегда сразу же льнули к нему. Он всегда притягивал к себе людей, и те, кто с ним когда-либо встречался, как правило, не забывали его. Он никогда не жаловался на свои болезни и вообще не разговаривал на эту тему или сводил все попытки подобного рода к шутке. Он необычайно точно оправдывал своё имя – Алексей (заимствование из древнегреческого со значением «защитник») и по характеру соответствовал своему святому покровителю, в честь которого был крещён, - Алексею, человеку Божьему.

Я всю жизнь удивляюсь тому счастью, которое выпало мне на долю – иметь отцом такого человека, и благодарю судьбу за него.

Дочь (реально – падчерица) А.А.,
В.Т. Двинская, кандидат филологических
наук /германист/, доцент

февраль 2012 г.